

МАРИНА ВЕТРОВА

Последний Миф
ПЕТЕРБУРГА

Марина Ветрова

Последний миф Петербурга

«Автор»

2026

Ветрова М.

Последний миф Петербурга / М. Ветрова — «Автор», 2026

Успешный кризис-менеджер против магов, грифонов и революционеров в Санкт-Петербурге 1899 года! Учебники нам лгали. Магия существует и до 1913 года все в мире ей пользовались. Правда неумело, поэтому регулярно создавали «кротовые норы» с нашим временем. В одну из них и угодил успешный менеджер по продажам, эффективный руководитель и ловелас Мартын. Придется искать способ вернуться в XXI век. Но сначала надо выжить в прошлом: не загреметь в солдаты, не превратиться в капусту и не погибнуть от рук революционеров, пытающихся запретить магию. Еще грифоны, сфинксы и мантикора устроили на него охоту. А может быть остаться и показать волшебным тварям как дают огня кризис-манагеры? Решим по ходу. Главное ввязаться, а там посмотрим

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Последний миф Петербурга

Глава 1

Утро Мартына Соболева началось, как всегда, со сладкого пробуждения в его роскошном пентхаусе. Из панорамного окна спальни открывался прекрасный вид на парк. Часы пробили девять, пора собираться на работу. Он тянул лямку РОПа, руководителя отдела продаж, в компании, которая перепродавала промышленное оборудование. Цена высокая, а значит, и комиссия тоже. Но самое главное, что во всем этом металлоломе даже разбираться было не надо. Покупатели и так знали, что хотят, а Мартыну оставалось только рассказывать анекдоты и кивать с уверенным видом, что он делал блестяще – легкие деньги.

Из ванной доносился шум работающего душа. Вчера вечером он сделал рассылку для группы «Подруги» с простым, но безотказно работающим текстом: «Приезжай. Скучаю...». Кто именно отозвался, сейчас уже не вспомнить.

«Это должна быть Маша», – подумал он.

Мартын посмотрел на себя в зеркало. Светло-русые волосы, голубые глаза, волевой подбородок, подкачанный торс – красавчик. Он подмигнул сам себе.

Мужчина направился на кухню, где кофемашина сделала для него любимый американо. Идеальный момент – утро, кофе, прекрасный вид.

«Я здесь как король мира. А если я и вправду стану королем мира, какой первый указ лучше издать? Надо подготовиться. Пусть все женщины будут общими. Нет, это бред какой-то, делить красоток с Васьком. Пусть у меня будет гарем из всех женщин мира. Нет, там же и страшные будут. Пусть в гарем идут только красивые. Стоп, а кто будет отбирать? Мне придется международный конкурс объявлять. Опять все делать самому...» – рассуждал Мартын.

Он услышал, как девушка вышла из ванной.

– Маша, зайка, подсуетись с завтраком, – сказал он, не глядя.

– Я Наташа!

В Мартына полетела умная колонка, но он вовремя увернулся. Через пару минут, когда хлопнула входная дверь, он продолжил наслаждаться кофе и восхитительным видом.

«Ну вот, опять все сам. На чем я закончил?» – вспоминал он. – «Интересно, если я стану королем мира...»

В офисе, как всегда, была суета. Надо было поскорее пробраться к своему кабинету, пока никто не подкинул свинью.

– Мартыничик, – окликнула его со спины Светлана Васильевна, начальница отдела кадров.

Он выругался шепотом.

– Светуля, – сказал Мартын, поворачиваясь к кадровичке.

– Ты помнишь, что сегодня надо сдавать табель, – подошла она вплотную к нему. – Если хочешь, я могу тебе помочь, вместе вечером над ним поработаем.

Это был тот случай, когда минутная радость на корпоративе превратилась в долгоиграющую проблему с осложнениями. Конечно, раз в месяц работать над табелем он был согласен, но это отвлекало от новых проектов, которые, узнав о тесной дружбе с HR, не горели желанием бросаться на отчет Мартына. В своем кабинете он уже давно не видел свежих упругих данных, а устаревающая с каждым годом версия «Зарплата и Кадры» стала просить, чтобы ее брали на дом. Но РОП был опытным управленцем и строго следил за балансом между работой и личной жизнью.

– Я зайду к тебе завтра, хорошо, – сказал мужчина шепотом.

– Только обещаешь, – надула губки женщина.

– Давай, шуруй в свой серпентарий, – развернул он Светлану Васильевну и придал ускорение, шлепнув по откормленному базовому окладу.

– Люблю тебя, пупсик, – послала она воздушный поцелуй, поворачивая за угол.

Мартын выдохнул. Можно было до завтра об одной проблеме не вспоминать, а это он еще до кабинета дойти не успел.

Зайдя в свой отдел, он грозно посмотрел на сотрудников.

– Ну что лодыри, бездельничаем, пока меня нет?

– Доброе утро, Мартын Виленович! – хором отозвались десять заложников опенспейса.

– Каравашкин, ко мне, – рявкнул РОП, проходя мимо одного из страдальцев.

Мартын не оканчивал курсы, тренингов и не читал книг об искусстве управления. Он даже не учился в вузе. Максимум, на что его хватило, это одиннадцать классов в общеобразовательной школе подмосковного Егорьевска. Диплом удачно удалось купить после переезда в Москву, а дальше только вверх по карьерной лестнице. Но все это потому, что ему повезло встретить сенсея, признанного мэтра разводов и манипуляций – Пал Палыча, бессменного бриллиантового партнера сетевой компании «Фасад». Туда будущий РОП попал после армии. Работа была в его вкусе – непыльной, ходи по городу и продавай металлические губки для посуды, супертряпки и прочую хозяйственную мелочевку. Пал Палыч был супервайзером, он учил молодого салагу продажам и работе с людьми одновременно.

– В бизнесе главное рост, – говорил наставник Мартыну. – Не суетись, не бегай. Найди хотя бы одного бешеного в свою команду и смотри как он делает тебя богатым. Бери того, у кого глаза горят, вон как у тебя.

Мартын называл это главным управленческим правилом. У любого уважающего себя босса должен быть безбашенный зам, который отгружает мешками, как комсомолка на овощебазе. Таким был Николай Каравашкин.

– Ну, что, друг мой, Колька? – начал свой допрос начальник в кабинете. – Что сделали?

– Мартын Виленович, сегодня с 9:00 до 9:30 провел планерку, все отчитались по продажам. В этом месяце отдел перевыполнит план. Правда Худяков и Предыбайлов план не выполнили, прощаемся с ними на следующей неделе.

– Почему на следующей?

– Пусть закроют текущие сделки.

– Резонно. Дальше.

– С 9:30 до 12:30 отдел совершил 127 звонков.

– А с 12:30 что делали?

– Ничего пока, сейчас только 12:35.

– Ох ты ж, как время бежит, – спохватился Мартын. – Скоро же обед. Ты мне столик в ресторане забронировал или придется ждать как в прошлый раз?

– Этим сейчас занимается ваша новая секретарша. Вы просили найти ассистента в обход кадров. Переманил из бухгалтерии.

– Что же ты с главного не начал? Надо уметь правильно расставлять приоритеты. Все, свободен! И пригласи ее сюда.

В кабинет зашла молодая длинноногая блондинка.

– Доброе утро, Мартын Еленович! Меня зовут Лиза, – сказала она тихо.

– Виленович, – рассмеялся эффективный управленец. – Можно просто Мартын. Присаживайтесь. Расскажите о себе. У вас есть опыт в агрегации и визуализации данных? Делали кому-нибудь многомерный анализ? Знакомы со сводными отчетами?

– Нет, – взволнованно ответила девушка.

– Ничего страшного. Наставничество – это мой профиль. Там все очень легко, надо просто сводить и разводить... отчеты в Excel. Придется нам сегодня задержаться, чтобы заполнить этот пробел.

После долгого рабочего дня, вполне удовлетворенный Мартын поехал в бассейн. Надев шапочку и очки, он прыгнул в воду. Мужчина был в отличной форме – первый круг, второй, вышел на третий. Сейчас будет четвертый. Вот сейчас уже должен быть. Еще пару гребков.

«Когда бортик?» – подумал Мартын и остановился, сняв очки.

Вокруг была пустота. Тусклый свет падал откуда-то сверху на него, а вокруг только вода, пропадая во мраке.

– Але! – крикнул мужчина. – Кто выключил свет? Здесь люди. Эй, вы там заснули, что ли?

Никто не отозвался. Вода вокруг забурилась и закрутилась, словно кто-то вынул пробку в гигантской ванной. Водоворот подхватил пловца. Соболев отчаянно сопротивлялся, но поток тянул его вниз. Мужчина сделал пару глубоких вдохов и пошел на дно. Через минуту он почувствовал удар, ребра заныли, громкий крик боли вырвался из груди и тут же пришло осознание, что он может дышать. Мартын открыл глаза и увидел, что сидит в центре городского фонтана.

– Может быть метро рыли и бассейн зацепили? – рассуждал он вслух, поднимаясь на ноги. – Засужу мерзавцев! Будут у меня до пенсии компенсацию выплачивать.

Дойдя до края, он сел на бортик. Вокруг гуляли люди, лавочники продавали булки, мужик в лаптях водил на поводке медведя. За спиной он увидел шпиль Адмиралтейства.

«Ого! Как расцвела Москва... До Петербурга уже метро прорыли» – подумал Мартын.

– Девушка, помогите! – окрикнул он незнакомку в старомодном наряде с кружевным зонтиком от солнца.

– Аааа, водяной! – закричала она и огрела Мартына по голове зонтиком.

– Зараза! – отмахнулся Мартын. – Ошалела?

Хулиганка скрылась, уронив ажурную шаль.

Через мгновение вокруг не было ни души. Несмотря на теплый летний день, в одних плавках и шапочке на улице было холодно. Соболев накиннул на плечи платок беглянки и огляделся. К нему направлялся мужчина в форме.

«О, кажется ростовардеец. Им форму новую выдали?» – подумал мужчина.

– Городовой Держиморда, – представился страж порядка и достал из-за пояса дубинку. – Нарушаем?

– Товарищ сержант, тут такая история... Я трезвый, если что. Плыл в бассейне, а потом раз... И тут сию. Отвези домой, а?

Из-за куста выглянул медведь и крикнул:

– На вилы его. Водяной.

Мартын тряхнул головой. Похоже хорошо его приложило о дно фонтана. Вокруг начала собираться толпа.

– Как звать? Чьих будешь? – спросил городовой.

– Я Мартын Виленович Соболев. Похоже какая-то авария в метро. Я в бассейне был. Документы в кармане пиджака в раздевалке. Телефон тоже там. Ты из какого отделения? Если из двадцать восьмого, то я с вашим шефом знаком. Позвони ему, скажи, что Мартын тут попал...

– Тарабарщина какая-то. Почто в женской сорочке? От солдатской службы хотел сбежать?

– Отслужил я давно. В паспорте военник. Холодно тут, я в одних плавках.

– Бреши, что отслужил, – сказал бородатый мужичок в косоворотке. – Молодой больно.

– Сколько служил? – спросил городовой.

– Год.

– Точно беглый. Год, – рассмеялся мужичок. – Водяные служат двадцать пять лет.

– Пройдемте в отделение, – указал Держиморда дубинкой на аллею, уходившую в глубь парка.

Мартын обреченно поплелся за патрульным.

«Да, давно я не был в Северной столице» – думал Мартын, идя по городу. – «Как тут все реконструировали под старину. Гороховую сделали пешеходной. Только кучи вокруг. Надо заставить эти туристические агентства убирать за своими лошадками. Карета, конечно, красиво, но антисанитарию зачем разводить»

Они подошли к пятиэтажному особняку с вывеской «Съезжий дом 1-й Адмиралтейской части». Зайдя внутрь, Мартын замер от ужаса. В тесном помещении, половина которого была отведена под камеру предварительного заключения, вместе с людьми, одетыми в старинные кафтаны и рубахи, сидел медведь.

– Он у вас ручной? – обратился Мартын к одному из ряженных, кивнув на зверя.

– Сам ты ручной, – ответил косопалый.

– Говорящий медведь, – прошептал Мартын городовому, вытаращив глаза. – Он разговаривает? Вы тоже это слышите?

– Конечно, он разговаривает. Что бы нет? – скучающим тоном сказал городской.

– Я сплю, – сказал Мартын и уцепился за руку, поморщившись от боли. – Не работает.

Городовой сел за маленький письменный стол, заваленный желтыми листами бумаги и толстыми картонными папками на завязках. На краю возвышалась массивная чернильница и металлический стаканчик с деревянными перьевыми ручками и карандашами. Перед столом стоял стул со сломанной спинкой, одна ножка у которого была значительно короче остальных.

– Садись. Как звать? – указал на сломанный стул Держиморда.

– Мартын Виленович Соболев, – растерянно ответил мужчина, стараясь удержать баланс на качающемся стуле.

– Место работы и должность.

– ООО «ПромИнвестСтройКонсалтАудит», РОП, руководитель отдела продаж.

– Что за тарабарщина? Я что тебе? Отводчик? Перед унтер-офицером будешь слабоумного исполнять.

– Что не так? И дураком меня обзывать не советую, а то подам на тебя в Гаагский суд по правам человека, – возмутился Мартын.

– Ты что француз?

– Mesdames, messieurs, je ne mange pas six jours (Дамы и господа, я не ел шесть дней), – засмеялся Мартын.

– Васька, звони Фридриху, у нас тут француз, – крикнул городской.

Мартын непонимающе уставился в окно. Там над улицей пролетела золотая карета, запряженная десятью грифонами. На облучке сидела девушка в тоге и держала в руках корабельный штурвал. Экипаж остановился перед дверьми роскошного особняка, из которых появился грифон. В отличие от тех, что были запряжены, он ходил на задних лапах и был одет в дорогой расшитый золотом кафтан. Когда он сел в карету, возница взмахнула рукой и они взмыли в воздух.

«Точно сон» – успокоился Мартын и, покачиваясь на стуле, стал рассматривать комнату.

– Слушай, это просто сон, – сказал менеджер городовому. – Ты мне снишься, и я скоро проснусь. Сейчас не получается, но будильник прозвенит, и пока. Я вообще здесь могу летать или делать все что хочу. Например, вот так...

С этими словами он крепко схватил Держиморду двумя пальцами за нос. То, что было дальше, Мартын помнил отрывочно. Перед глазами мелькали черные сапоги, по ребрам отбивала такт деревянная дубинка, на полу валялись чьи-то зубы, а потом этот дикий танец боли и криков поглотила темнота.

Очнулся Соболев в тряской телеге на соломе, на руках и ногах кандалы. Хорошо, хоть одежду выдали – рубаху и штаны из парусины. Он испуганно провел рукой по рту, языком начал пересчитывать зубы.

«Уф, слава богу задние. Только месяц назад виниры поставил.» – обрадовался Мартын.

Голова раскалывалась, он провел рукой по затылку и в ужасе подпрыгнул, пытаясь слезть с телеги, после чего сразу получил дубинкой по ребрам.

– Тихо мне тут, оглашенный, – рявкнул конвоир, ехавший рядом на коне.

Мартын лежал на сене и ощупывал голову, половина которой была выбрита.

– Вы меня в солдаты подстригли? Я же служил. Как так-то? – вопил Мартын.

– Не бойсь, не в солдаты тебя подстригли. Каторжанин ты теперь, – ответил ему молодой конопатый заключенный, сидевший рядом. – Но это может лучше. Сейчас джины на юге балуют, не иначе быть войне. А ты пока в Сибири отсидишься. Говорят, там хорошо. Бруснички поешь, морошки, костяники. Золотишка заработаешь. Если за день тонну золота в руднике с кайлом добудешь, то весь оставшийся день делай что хочешь. Для них там главное результат.

– Прямо как у нас на работе, – вздохнул Мартын.

– Ну, вот видишь, ты уже привычный, – засмеялся конопатый.

– Что тут вообще происходит? Медведи говорят, росгвардейцы как в 1917 году, – ворчал менеджер.

– Не, сейчас 7407 год, – махнул рукой парень.

– Я в будущее попал? Это славянский киберпанк?

– Афанасий, оставь ты свои штучки. 1899 год сейчас, – одернул конопатого крупный чернобородый каторжанин.

– Откуда ты родом, странный человек? – спросил Афанасий.

– Я из будущего, из 2026 года.

– Это из прошлого, – ехидно усмехнулся конопатый.

– 7534, – буркнул чернобородый.

– А, это все ясно, – махнул рукой Афанасий. – Похищение из грядущего. Таким только дворяне развлекаются. Где тебя выкинуло?

– В фонтане у Адмиралтейства. Возможно как-то обратно в свое время попасть? – в глазах Мартына загорелась надежда.

– Вот там поблизости и ищи сильного чародея, пусть вертает.

– А зачем он меня похитил?

– Ясно дело, для балансу. Ты тут, а кто-то там.

Телега тащилась по пыльной дороге в поле, колеса скрипели, кандалы позвякивали на ухабах. Впереди не было ни лошади, ни кучера. Самоходная повозка. Мартын уже ничему не удивлялся, пытаясь осознать, как он очутился в магическом мире прошлого и сразу попал на каторгу.

Смеркалось. Они доехали до маленькой деревеньки «Старые сосенки» на десять дворов, где гостеприимные жители разобрали каторжан по домам. Мартын, Афанасий и чернобородый поднялись на крыльцо странноприимцев. Им навстречу выбежал на задних лапах медвежонок в красной косоворотке.

– Утром заеду заберу, – крикнул конвоир, провожая их взглядом с дороги. – Косолапые, всех не съешьте. Бугага!

Мужчины зашли в просторные сени, где пахло яблоками и сеном. Дом был огромный, потолки высотой метров шесть, а в дверной проем свободно можно было занести коня.

– Проходите, проходите! Матушка уже скатерть расстелила, – весело запрыгал вокруг гостей медвежонок.

Они зашли в горницу. Это была просторная светлая комната. В ближнем ко входу углу стояли лавки, стол и огромные стулья. В дальнем большая русская печь, а справа от нее находился вход в спальню, закрытый занавеской с васильками. Рядом со входом на стене висела балалайка гигантских размеров.

– Отужинайте, чем бог послал, – сказала медведица, показывая на устланный белой тканью стол. – Скатерть у нас маломожная, но, чем богаты, тем и рады.

Хозяйка дома хлопнула в ладоши и на столе появились солонина, хлеб, вареная картошка, зеленый лук и пыхтящий самовар. Когда голодные узники доедали остатки ужина, домой вернулся здоровый бурый медведь. Ростом он был больше трех метров. Зайдя в комнату, косолапый грозно обвел взглядом гостей и оскалил пасть.

– Смотрите тут не барагожьте. У меня с вашим братом разговор короткий, возьму рогатину да выгоню в лес к волкам, – пробурчал медведь.

– Миша, да что ты на них взъелся? Посмотри, кожа до кости, а у этого и обувки нет, – показала медведица длинным черным когтем на Мартына. – От сумы до тюрьмы не зарекайся.

Косолапый недовольно фыркнул и скрылся за занавеской в спальне.

– Вы его не слушайте, – обратилась хозяйка к мужчинам. – Он до пенсии в цирке работал и людей недолюбливает. А я в ансамбле «Кармен» с цыганами выступала. Золотые были времена – концерты, поклонники. Мое имя было на афишах – «Выступает Варвара Панина. Цыганский романс «Не терзаюсь сердце бередя»». Ко мне даже гризли сватался, да... А теперь что? Одни воспоминания. Живем здесь в медвежьем углу. Только обозы каторжан мимо и проезжают.

Она задумалась на мгновение и загадочно улыбнулась своим воспоминаниям.

– А хотите я вам спою? Только я сегодня не в голосе, поэтому не судите строго, – ожилилась Варвара.

Медведица скрылась в спальне. Из-за занавески послышался грохот сундуков и ворчание косолапого, которое прервал резкий женский рык.

Завеса распахнулась. В горницу вошла хозяйка в широкой пестрой юбке с воланами, а на плечах у нее был накинут черный платок с яркими красными розами. В лапах она несла бубен, который передала медвежонку. Малыш встал рядом с мамой, подняв инструмент над головой. Медведица грозно топнула ногой. Из спальни вышел Миша в белой косоворотке и черном картузе с большим красным цветком. Он грузно плюхнулся на скамейку и, тяжело вздохнув, снял со стены балалайку.

Грянул бубен. За ним зазвенели струнные. Медведица, томно смотря вдаль, обхватила плечи и запела:

Не о чем я больше не жалею
Не терзаюсь сердце бередя
Лишь одну надежду я лелею
Поскорей бы позабыть тебя.

Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Такова медвежья доля моя
Хоп-хоп-хоп! Хоп-хоп! Романэс!

Было времечко веселое другое
Песни, пляски, пылкий звон гитар,
Но медведь задумал злое
Бурую цыганочку из табора украл

Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Такова медвежья доля моя
Хоп-хоп-хоп! Хоп-хоп! Романэс!

Гризли гнался ночь за нами
Бросил горностаев в ноги мне
Нож пришел за нашими мечтами
Любящее сердце утонуло в тишине.

Каторжане уже не могли сидеть на месте и пустились в пляс вместе с медведями. Инструменты поднялись в воздух, гармонь и бубен играли, кружась под потолком. Варвара вдохновенно пела:

Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Ай-на-нэ, на-нэ-нэ нэ нэ-нэ
Такова медвежья доля моя
Хоп-хоп-хоп! Хоп-хоп! Романэс!

Когда медведица закончила романс, прозвучали аплодисменты новых поклонников в кандалах. Миша покашлял, привлекая внимание.

– Хочу внести ясность. Во-первых, я никого не крал, она сама пошла. Во-вторых, никого не убивал, дал раз в бубен, и он сам отстал, – прокомментировал слова песни бурый, за что удостоился испепеляющего взгляда жены.

– Ай-на-нэ, на-нэ – разочарованно сказала она медведю и продолжила танцевать, напевая припев.

– Папа-пака, а как ты дал в бубен? Так? – медвежонок подпрыгнул и грохнул лапкой по парящему над ним инструменту.

– Почти. Вырастешь – научу.

Гости радостно аплодировали в такт, позвякивая кандалами, пели и танцевали до темна.

Каторжане заночевали в сених на лавках. Мартын еще надеялся, что спит и должен скоро проснуться, поэтому периодически щипал себя или зажимывал глаза, надеясь, что, когда их откроет, окажется в своем пентхаусе рядом с очередной симпатичной подружкой.

«Ну, раз я сюда попал, надо разобраться с местными правилами» – рассуждал менеджер.

– А медведи говорящие? Это как? – обратился он к конопату.

– Ты в будущем из какой местности?

– Москва.

– А, москвич. У вас там не как во всей стране. Я ТЕБЕ СЕЙЧАС ОБЪЯСНЮ, – прокричал Афанасий.

– Что орешь? Не глухой я.

– Афанасий, не дурачься. Не глухие москвичи, – одернул парня здоровяк в кандалах. – Ты ему два раза повтори.

– Во всем мире, кроме Москвы, все управляется магией. У государя императора, князей и бояр сил больше всего. Они летающими каретами владеют, могут во времени прыгать и прочие чудеса исполнять. Купцы все, к чему ни прикоснутся в золото обращают. А простой народ так... по мелочи... лучину зажечь, дождь вызвать или медведя приручить.

– А мне как магией овладеть?

– Ой, москвичи отродясь магией не владели. Вот если ты на барышне столичной женишься и у вас дети родятся, то у них сила будет, а у тебя уже нет. Как вы москвиты только выживаете?

– Мы рождены, чтобы руководить.

– А, ну тогда не о чем и переживать, – кивнул конопатый. – На каторге бобров и белок будешь строить.

– Да, не хохми ты, Афанасий, – прервал его чернобородый. – Каждый может магией овладеть, у кого камни есть.

– Ага, – гоготнул Афанасий. – В почках. Сказки это все.

– Ничего и не сказки. Ты лучину как затепливаешь? Красным песком, а он с камней. Я сам видел в боярском доме сундук, набитый волшебными самоцветами.

– Дочку ты боярскую в том доме только и видел, а не камни волшебные. За что и в кандалах, – засмеялся конопатый.

В шутника прилетел лапоть.

– У бояр волшебство в крови, не слушай эти сказки про камни, – ответил конопатый и повернувшись на бок захрапел.

Мартыну этой ночью не спалось. И не только потому, что все тело зудело от соломы. Он вдруг представил каких высот сможет достичь, если вернется домой с каким-нибудь волшебным предметом. Открыть ресторан со скатертью-самобранкой, музыкальные инструменты самоиграющие на маркетплейсах продавать, а самодвижущиеся телеги это просто ВАЗ-ренессанс. Как тебе такое Илон Маск? В фантазиях он уже стал миллиардером, потом триллионером. Мечты о том, что он станет королем мира, уже казались ближайшими планами.

К полуночи Мартыну удалось заснуть. Несмотря на сумасшедший день сон подарил приятную негу грез. Он видел себя на вершине огромной пирамиды на золотых шелковых подушках. Рядом лежали красотки и блюда с фруктами. У подножия пирамиды была вся Земля от края до края, мужчина хорошо видел все континенты и океаны, города и людей на улицах. Он взял пульт от вселенной и нажал первую клавишу. Там шел боевик с ним во всех главных ролях. Соболев нажал вторую клавишу. Там показывали футбольный матч. Двадцать два Мартына бегали по полю, а еще он узнал себя в судье и всех зрителях на трибунах. Он вернулся на первый. За фильм уже давали приз кинофестиваля. К нему подбежали папарацци. Вспышки слепили глаза.

– Отойдите! Остановите съемку! – он закрыл лицо рукой.

– Повернитесь! – кричали фотографы. – Мартын!

– Что вы прицепились! Оставьте меня в покое! Отвалите! – закричал мужчина, когда фотографы стали хватать его за руки.

– Ах, ты вымесок! – крикнул один из журналистов и с размаха ударил Мартына фотоаппаратом по ноге.

Соболев ввязался в драку, но его повалили на землю и сверху посыпался град пинков.

Когда удары стихли, он нашел себя на полу сеней медвежьего дома. Над ними стояли конвоиры.

– Вставай давай, леший, – сказал один из охранников. – Живо в телегу.

Добравшись до повозки, он бухнулся в солому и сквозь щель в досках наблюдал, как медленно менялся пейзаж по пути на каторгу. К полудню поля сменились перелесками. Впереди виднелся ельник, дорога заметно испортилась. Колеса проваливались в глубокие лужи, грязные брызги летели во все стороны. Прыгая по ухабам, их подвода доехала до огромной лужи, в которой застряла карета. Кучер и лакей тщетно пытались сдвинуть ее с места.

– Эй, каторжане, подсобите! Барыня застряла, – махнул кучер рукой. – Что нам до вечера стоять?

– А ну с телеги и толкай, – гаркнул конвоир.

Узники, звеня цепями, полезли в лужу. Мартын единственный был босиком. Переваливаясь как утка с ноги на ногу из-за мелких камешков, которые кололи ступни, он полез в грязь. Жижка противно обволакивала кожу. Зайдя по колено в воду, мужчины схватились за огромные спицы колес и стали раскачивать коляску в такт командам конвоира.

– И раз! Давай, подлецы. Дружнее! И два! – горланил всадник.

Карета сдвинулась с места, ноги Мартына заскользили, и он плюхнулся в грязь. Поднявшись и вытерев лицо рукавом, он увидел изящную женскую головку в шляпке с вуалью, выглянувшую из окна.

– Э, какая... – улыбнулся Мартын, сверкнув винирами.

Пока кучер медленно вывозил экипаж на дорогу, чумазые каторжане грузились в телегу.

– Слезай, с тобой хотят обмолвиться, – бросил конвоир Мартыну и указал дубинкой на карету.

Пришлось, переминаясь с ноги на ногу, идти несколько метров босиком по еловым шишкам. Из окна на мужчину смотрела изящная головка в вуали.

– Как вас зовут? – зазвенел нежный девичий голос.

– Мартын Виленович. Рад знакомству! Как же замечательно встретить в этих диких местах столь очаровательную незнакомку, – он широко продемонстрировал мастерство стоматологов московской клиники, которым отстегнул полтора миллиона. – С кем имею честь-с?

В голове пронеслась вся школьная программа по литературе, а потом из недр памяти всплыло: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», «Карету мне, карету!» и «Во зеленые луга они стреножили».

«Кого стреножили? Зачем? Ладно, это оставим на крайний случай» – подумал мужчина.

– Матрена Гавриловна, дочь купца второй гильдии Гаврилы Саввовича Прошкина, почившего в Бозе в прошлом году, – ее голос дрогнул. – Приглашаю вас погостить в моей усадьбе, это в паре верст отсюда. Доставите мне такое удовольствие?

У Мартына перехватило дыхание. Он чувствовал себя как рыбак на берегу, увидевший как по поверхности реки пробегает зыбь от дрожащего поплавка.

– Мадам, я готов доставить вам любое удовольствие.

– Передайте ему, – она показала пальчиком на конвоира. – Что вы едете со мной.

Мартын замялся. Ему не хотелось опять получить дубинкой по ребрам. Медленно подойдя к всаднику, он пытался определить безопасное расстояние, которое позволит уклониться от внезапного удара.

– Барыня сказала, чтоб я с ней ехал.

– Валяй, – сказал конвоир, наматывая ус на палец.

Это оказалась даже слишком просто.

– Ну, я тогда свободен?

Надсмотрщик кивнул.

– Поехал я с барыней, – громко крикнул Мартын каторжанам.

Те повалились в телеге от хохота.

– Малохольные? – удивленно посмотрел на них менеджер.

Уже поставив ногу на ступеньку кареты, Мартын крикнул конвоиру:

– А на тебя я в суд подам по правам человека.

Тот лишь ухмыльнулся и проводил взглядом уезжающую карету.

– Вот дурень московский, не знает куда попал. Лучше бы с нами остался, – держась за живот сквозь хохот сказал Афанасий.

Глава 2

Жизнь в усадьбе «Прошкино» была размеренной и предсказуемой. Просыпаясь, Мартын тихонечко перелезал через бедро Матрены Гавриловны и открывал дверь в вишневый сад. Приподняв полы ночной сорочки, он шел босиком по траве к изящному французскому чайному столику, на котором для него уже была расстелена скатерть-самобранка.

– Американо и круассан, – обычно говорил он.

На столе не сразу появилось то, что он просил. Первое время пришлось завтракать сайками, плюшками и тульским пряником, запивая сбитнем или имбирным элем. Он долго объяснял скатерти, что такое американо и восхитительная французская булка, пока не получил приемлемый результат.

«Обучил-таки гастрономическую ретро-нейронку» – радовался Мартын.

Идеальный момент – утро, кофе, прекрасный вид.

После завтрака он шел в свои покои, просторную комнату с выходом на террасу. Там его ждал лакей Кузмич – седобородый старик, энергичный, с добрыми, но хитрыми глазами. Одет он был всегда в ярко-желтую ливрею. Матрена Гавриловна боготворила все французское, поэтому слуги в доме носили кафтаны, кюлоты и чулки. Помещица пыталась ввести и парики, но они не прижились.

– Сегодня опять сами-с? – обычно спрашивал старик.

Первое время Кузмич пытался помочь молодому барину одеться, но менеджер предпочитал это делать сам.

Добрая барыня не скупилась на своего возлюбленного. Для Соболева выписали французского портного из ближайшего губернского города. Он быстро снял мерки и через неделю пребывания в усадьбе у Мартына уже были десятки белоснежных сорочек, жаккардовые и шелковые жилеты, бархатные пиджаки, перчатки и шляпы-котелки. Головные уборы Мартын не носил, но Матрена настояла. Ну, пусть будут.

Спорить он со своей благодетельницей не хотел, хотя характер у Матрены был покладистый. Зачем давать повод? Помещица в любой момент могла отправить его в Сибирь с попутным обозом каторжан. Да и внешность Прошкиной полностью соответствовала вкусу Соболева. Она сочетала аристократическую утонченность и купеческое здоровье. Кожа девушки была нежная с легким розовым оттенком. Большие выразительные глаза с озорной искоркой смотрели из-под густых ресниц. Непослушные пряди блестящих каштановых волос всегда выбивались из высокой прически с неизменной диадемой. Фигура была с мягкими женскими формами без лишней массивности. Грудь объемная и упругая прекрасно смотрелась в платьях с глубоким декольте.

Все было идеально, но днем Мартын уходил гулять в лес, обдумывая план побега в Петербург. Не то, чтобы ему не нравилась жизнь в Прошкино. Шел уже пятый месяц, как он оказался в магическом мире прошлого. Первый месяц все было волшебным, второй прекрасно, третий хорошо, а на четвертый стало тоскливо. Тут не менялось даже время года. Оказалось, что маги всего света отменили зиму, и теперь везде было вечное лето.

Когда дневной зной сменялся приятной вечерней прохладой, Мартын с купчихой пили на террасе чай, подливая кипяток из большого пузатого самовара, расписанного бело-голубыми цветами на темно-синем фоне. После обычно играли в карты и слушали трескучий патефон. Иногда приезжали соседи помещики и делились светскими сплетнями: князь Худобашев проигрался в карты, жена губернатора явилась на бал в старомодном платье, заводчик Бахтияров выбрал невесту без приданого.

Мартын места себе не находил. С одной стороны красивая и богатая подруга, которая души в нем не чаяла, а с другой отсутствие интернета, привычных бытовых условий и скука

смертная. Нестись в Северную пальмиру на попутных каретах без паспорта было опасно, но и жить так дальше невыносимо, поэтому однажды за ужином Соболев завел разговор о визите в столицу.

– Дорогая, я подумываю о нашей поездке в Петербург. Мы могли бы сходить в клуб... тьфу, то есть бал. Купить тебе новые французские наряды. Посмотреть кино. Есть у вас кино уже?

– Кино – это как?

– Заходишь в темный зал, а там на стене простынь белая висит с цветными картинками.

– За этим ехать нужды нет. У нас кина хватает. Еще когда папенька был жив заказали из Парижу волшебный фонарь, он туманные картины показывает. В движении, – последнюю фразу она произнесла шепотом и с придыханием. – А ехать за ним в Петербург далеко, да и хлопотно, душа моя. Летом там пыльно, душно, а еще и ночью светло как днем. То ли дело в Прошкино...

– Видел я ваш фонарь. Слайды с детскими картинками. Слоняюсь из угла в угол. Нужна же смена впечатлений.

– Сокол мой, поговорим потом. Будь добр, поддай жара в самовар. Кипяток остыл.

Мартын насыпал в трубу-жаровню прозрачный и красный магический песок. Над самоваром взвился маленький огненный вихрь, который быстро исчез в объемном тулове. За пять месяцев жизни в новом мире Соболев узнал, что местная магия существует за счет камней. Их нельзя купить на рынке, но возможно получить в конторе Седьмого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В зависимости от сословия и статуса каждый мог затребовать определенное ограниченное количество самоцветов в месяц. Мещане, крестьяне, рабочие и прочий люд не имел прав на серьезную магию. Простому народу обычно доставался песок для бытовой магии, который свободно продавался на рынке.

– Можем в Епифань с тобой съездить, – предложила Матрена. – Там ярмарка скоро, через полгода. А хочешь на Нижегородскую поедем. Мы с покойным папенькой были там, когда ее только отстроили после пожара. Такая красота...

– А до ярмарки? Не могу я так сидеть ничего не делая.

– Яхонтовый мой, ты бы посмотрел мануфактуру с Саввой Гавриловичем. Не особо весело, но хоть на день себя займешь. Он на рассвете выезжает.

Савва, брат Матрены, был человек добродушный и веселый. Когда Мартын приехал в усадьбу, они сразу нашли общий язык. Именно так Соболев и представлял себе купца – внушительным и харизматичным, плотного телосложения, с широкими плечами и массивной шеей, с густой окладистой темно-каштановой бородой, крупными руками, украшенными перстнями с драгоценными камнями. На вид ему было лет сорок. Раньше он был гуленой и охотно проматывал деньги в столице, но после смерти отца несколько лет назад вернулся в Прошкино и теперь целыми днями пропадал на заводе.

Мартын смирился. Уж лучше съездить на экскурсию, чем весь день шататься по лесу, пинать шишки и пугать белок. На следующий день пришлось встать на рассвете. У входа в усадьбу уже ждала карета, в которой сидел Прошкин.

– Ну, что, Мартын Виленович, осваиваешься? – посмеивался Савва. – Сестрица моя никому заскучать не даст.

«Сейчас бы кофе из термоса, совсем продрог, и бутерброды с колбасой и сыром» – подумал Мартын, садясь в карету и поеживаясь от утренней прохлады.

– Я с собой прихватил рушничек, – купец развернул вышитое красными петухами полотенце.

Ткань застыла в воздухе будто на столе. На ней появились плюшки, пряники, конфеты, вареные яйца на серебряных подставках и гурьевская каша. К последней Мартын пристрастился в Прошкино. Это была манка, но не детсадовская холодная и с комочками, а особая

купеческая. Ее варили на сливках, добавляли орехи, сухофрукты и варенье. Затем запекали в русской печи до румяной корочки. Пальчики оближешь.

– И кофе твой любимый жженный. Хочешь с миндальными сливками? И конфетами угощайся, – провел рукой над скатертью купец.

Из полотенца выросли кувшинчик и две чашки. В одной был черный кофе, а в другой крепкий чай.

– Спасибо, Савва Гаврилович! Вот это волшебство! – обрадовался Мартын, потирая руки. – Я черный. Да ты мои мысли читаешь.

Дорога до мануфактуры заняла около часа, но за дружеской беседой и вкусным завтраком она пролетела незаметно.

Масштаб предприятия впечатлял уже на подъезде. Огромная территория была ограждена трехметровым каменным забором. Мартын думал, что увидит покосившиеся домики и работяг с напильниками в руках, но ему открылась по-настоящему грандиозная картина. Въехав в широкие ворота, карета еще минут двадцать катилась по просторному двору к парадному входу центрального корпуса. Это было шестиэтажное здание в ширину метров шестьдесят, увенчанное башенкой с часами и колоколом.

Двор наполнял грубый промышленный звук – грохот и металлический лязг. Вокруг кипела работа – бородатые мужики тащили тяжелые тюки, с приехавших подвод сгружали бочки, мальчишки тащили доски и ящики с инструментами.

– Ну, пойдем, владения твои покажу, – купец хлопнул Мартына по плечу, когда они вышли из кареты.

К ним подбежал сухой высокий белокрысый человек средних лет. Он явно запыхался. Его черные брюки и высокие сапоги были в мелкой соломенной пыли. На белой сорочке с длинными объемными рукавами расплывались пятна пота, а черная короткая жилетка задралась выше пояса.

– Доброе утро, Савва Гаврилович! – приветствовал он купца, шелкнув каблуками.

– Это Фридрих, моя правая рука, – сказал купец, попутно поправив на белокрысом жилетку. – В поте лица следит тут за порядком, чтобы не озорничали. А это Мартын Виленович, добрый друг моей сестрицы с экскурсией на наше предприятие. Прошу любить и уважать. Подготовь для нас все, чтобы показать гостю арсенал.

Пройдя по коридорам и цехам центрального корпуса, Мартын насчитал человек триста рабочих. В мастерских стоял лязг и шум, в воздухе висела серебристо-черная металлическая пыль. Там вытачивали, сверлили, штамповали, прикручивали. Для каждого этапа изготовления оружия была своя комната и станки. На втором этаже размещалась приемная, библиотека, архив с чертежами, рабочий театр и земское училище, которое готовило слесарей, токарей, столяров и кузнецов.

После беглого осмотра завода они вышли на широкую площадку длиной около пятидесяти метров, которая начиналась рядом столов, а заканчивалась высокой песочной насыпью.

– Здесь стрельбище, – гордо сказал Прошкин. – Тут мы испытываем ружья перед отправкой охотникам.

На поле выбежал мальчишка, который нес деревянный щит. Установив его метрах в тридцати перед насыпью, он со всех ног бросился назад. На мишени был изображен медведь. Из-за угла центрального корпуса появился Фридрих с несколькими бородатыми мужиками, которые несли ружья.

Когда арсенал был разложен на столах, Савва, любовно поглаживая цевье, представлял Мартыну каждый предмет, как доброго друга.

– Вот это моя красавица, – сказал купец, взяв в руки мушкет, приклад которого был украшен перламутровыми пластинами.

Он отвел рукоятку затвора назад и вставил сверху кассету из 6 патронов. Закрыв затвор, он вскинул винтовку, прицеливаясь в мишень. Прогремел выстрел, другой, третий. Мишень не шелохнулась. Савва не оставлял своих попыток, поэтому оружие пришлось перезарядить. В итоге от щита отлетела щепка, от следующего попадания мишень немного покачнулась.

– Ух смотри как кучно бьет, с десятого раза попал, – радовался стрелок.

– Разве это хорошо? – удивился Мартын.

– Сразу видно, что в военном деле ты не разбираешься, – хитро улыбаясь, сказал Савва.

– Почему не разбираюсь? – возмутился Мартын. – Нас бы сержант за такую стрельбу отправил бегать по плацу пока ноги по плечи не сотрем.

– Тогда сам попробуй, – купец протянул менеджеру мушкет.

Мартын ни разу не смог попасть по мишени, хотя израсходовал пару десятков патронов.

– И кто из нас будет бегать? – потешался Савва.

– Это не нормально. А как на поле боя с такой? Только ворон пугать.

– Военным и не поставляем. За точность другие заводы отвечают, а мы за красоту, – купец погладил инкрустированный приклад. – В прошлом году продали две сотни штук. Лучший подарок для охотника. А сколько раз наш брат помещик из такой выстрелит? Может и нисколько, а все ж на стене висит красота и глаз радуется. Ладно, пойдем к плотине, оттуда такой вид открывается...

Мужчины продолжили экскурсию. Савва привел гостя к огромному пруду, который от территории завода отгораживала плотина. От плотины вел канал, который прорыли до левого крыла центрального корпуса. Купец рассказал, что там установлены водяные колеса, передающие крутящий момент на станки во всех цехах. Оказалось, что тяжелый металлический гул, который был слышен на всей территории завода, издают эти гидроколеса.

От плотины, на которой была сделана каменная пешеходная дорога, отходили аккуратные деревянные мостки. Они делали полукруг над поверхностью воды и стелились метров на пятнадцать от берега, заканчиваясь беседкой-ротондой.

Пока Соболев и Прошкин любовались видом на воду с насыпи в воду упало несколько камней.

– Ты это видел? – указал Мартын на расходящиеся по воде круги.

– Да, тут постоянно что-то отваливается.

– А ее не прорвет?

– До нас сто лет стояла и после нас столько же простоит. Умели в старые времена делать. Не то что сейчас. Купил карету десять лет назад, а она уже поскрипывать начала. Ну, кто так делает? Ладно, пойдем я тебе мастерские покажу.

Подходя к зданиям мастерских промышленный шум уже сделался невозможным. Мартын зажал уши руками. Стены здания вибрировали. Менеджер не решился зайти внутрь, а только заглянул в распахнутую дверь – с потолка сыпалась штукатурка, станки угрожающе дергались, а от дверных косяков расходились ветвистые трещины.

Отойдя на достаточное расстояние, когда стало возможно слышать свои мысли, Мартын спросил у Саввы:

– Как же тут работают?

– Да, они привыкли. Уши воском заливают и всего делов.

– Ты видел трещины на стенах? Тут же все может обвалиться в любой момент.

– До нас сто лет стояло, и после нас столько же простоит, – махнул рукой купец. – Ладно, встретимся в конторе. У меня тут неотложные дела...

Савва скрылся за дверью мастерской, а Соболев поплелся к главному корпусу.

Экскурсия произвела на него удручающее впечатление. Во всем, что он увидел, ощущалось разрушение и деградация. Менеджер никогда не отличался гуманным отношением к подчиненным, но на несколько минут он даже проникся сочувствием к местным мастерам.

Проходя мимо амбаров, он услышал резкий мерный звук, не похожий на промышленный лязг. Идя на звук, Мартын увидел толпу рабочих, собравшихся у распахнутых дверей. Заглянув внутрь, Соболев на мгновение замер в шоке.

На веревке, перекинутой через балку, был подвешен мужчина. Его торс был обнажен, спину пересекали десятки алых полос. Вокруг пленника ходил Фридрих, он методично взмахивал плетью с несколькими хвостами, и нанес удар, медленно расправлял слипшиеся от крови веревки.

Сердце Мартына бешено заколотилось. Он в пару прыжков оказался рядом с мучителем и железной хваткой сжал уже занесенную руку.

– Вы тут вконец одурели. Ты же его убьешь! – зарычал Соболев.

Фридрих резко развернулся и уже приготовился ударить наглеца, но, когда увидел Мартына, сделал легкий кивок и опустил глаза.

– Ну, что вы встали как вкопанные? – крикнул Мартын мужикам. – Уносите вашего товарища к врачу.

Рабочие подбежали к своему другу и, освободив, поволокли к выходу.

– Что у вас здесь происходит? – наседали Соболев на Фридриха.

Управляющий молчал. Он стоял, опустив голову, и никак не реагировал на вопросы Мартына.

Поняв, что ответа не дожидается, менеджер побрел к главному зданию.

Поднявшись в приемную, он увидел нескольких девушек, которые расстилали на столе скатерть.

– О, ты как раз к обеду, – выглянул из своего кабинета Савва. – Сейчас отведаем, что Бог послал. Сегодня, пожалуй, заливное из утки с апельсинами, жареный фазан, малороссийские вареники, соленые грузди и компот. Мmmm, чувствуешь запах?

На ткани появились блюда с едой, тарелки и приборы.

За обедом Савва с упоением рассказывал анекдоты, байки из своей парижской жизни и делился планами скорой поездки на ярмарку. Мартын не разделял его веселого настроения.

– Что ты такой хмурый, – спросил Савва, когда Мартын даже не улыбнулся очередному сальному анекдоту.

– Этот Фридрих, у него такой... довольно авторитарный стиль управления. Можно как-нибудь без порки обойтись?

– Так при батюшке было заведено и не мне это менять, – ожидаемо ответил купец.

– Понятно. А колеса. От них стены ходуном ходят. Другого способа не изобрели? Тут же все скоро обвалится.

– А какой тебе еще способ нужен? Эти колеса уже сто лет верой и правдой служат.

– А двигателей у вас каких-нибудь нет? Или магических штук?

– Магия денег стоит и не малых.

– Ну, это инвестиции.

– Что?

– Вложения, которые потом окупятся.

– На эту тему тебе лучше с Матреной говорить.

– А ты тут что делаешь?

– Я тут владею, – многозначительно сказал Савва. – Все, не томи своими разговорами, у меня дел невпроворот.

Савва встал из-за стола и направился к выходу.

– Встретимся вечером ближе к отъезду часа в четыре.

– И чем мне тут заняться до этого времени?

– Посиди в кабинете, а скучно станет, иди в тир постреляй, к реке сходи искупайся. Только лучше выше по течению купайся, ниже черный станешь от металлической стружки.

– Вы еще и экологию тут подрываете? – спросил Мартын.

– Что? – непонимающе посмотрел на него Савва.

– Да не важно.

– Ну, если совсем скучно станет, сходи в образцовую мастерскую. Они там какое-то чудо изобрели. Хотя как по мне этим дармоедам только бы не работать.

Изведя с сотню патронов в тире и ни разу не попав в цель, Мартын решил наведаться в мастерские, плавать в реке после всего увиденного он брезговал.

Не без труда найдя образцовую мастерскую, он застал в ней трех рабочих.

– Здорово! Как смена? – поприветствовал он работяг.

– Здравствуйте, боярин! – хором ответили мужики.

– У меня к вам вопрос. Как так может быть, что в вашей образцовой, – Мартын сделал акцент на последнем слове. – мастерской делают ружья, которые с двадцати шагов в цель попасть не могут.

– У нас таких нет, – замотали головами рабочие.

Мартын улыбнулся.

– Ну, тогда берите стволы и айда за мной.

Мастеровые взяли в тир только один мушкет. Как понял Соболев из их перешептываний, это была их последняя разработка. Они долго вымеряли шаги до цели и поставили мишень вплотную к песочной насыпи. Самый старый из них долго смотрел на щит с медведем в подзорную трубу, пока не дал добро на испытания.

– Что замер? – бросил менеджер коренастому мастеровому, который держал в руках винтовку. – Стреляй.

Грянул выстрел. Доска разлетелась в щепки.

– Ого! – радостно вскрикнул Мартын. – А ну дай мне.

Он забрал мушкет и, перезарядив, велел поставить новую мишень.

– Тут такое дело, – сказал старый мастер. – Вы попробуйте выше цели стрельнуть.

– Как высоко? – заинтересовался Соболев.

– А хоть на семь аршин.

– Аршин – это сколько?

– Столько, – старик показал расстояние от плеча до кончиков пальцев.

– Шутишь? – усмехнулся Мартын.

– А вы попробуйте. Только цельтесь в медведя.

Менеджер вскинул ружье, прицелился и в последний момент перед тем, как нажать на курок, дернул ствол в небо. Грохнул залп. Щит был уничтожен.

Соболев непонимающе уставился на груды щепок в пятидесяти метрах от себя.

– Это невозможно. Как? – он удивленно смотрел на ружье.

– Самострельная пищаль, – улыбаясь, сказал старик. – Вы, боярин, только прицельтесь. А она сама мишень найдет, хоть в другую сторону стреляйте.

– Вы понимаете, что эта винтовка на вес золота? – Мартын воодушевленно тряс ружье.

– Мы тут какие дела с вами замутим. Все, некогда прохлаждаться. Надо поднимать этот завод. Сейчас у нас будет экстренное собрание всех мастеров, будем отдавать это в серию. Объявляйте общий сбор в главном здании через пятнадцать минут.

Соболев помчался в офис, чтобы рассказать Савве о чудесной пушке, но не смог его найти, поэтому решил провести встречу без него.

Собралось человек пятьдесят, в том числе и Фридрих.

– Друзья! У меня для вас важное объявление, – начал Мартын свою лидерскую речь. – После сегодняшней экскурсии я понял, что на нашем заводе, в нашем общем доме назрели перемены. Они необходимы, если мы не хотим, чтобы эти стены сложились как карточный домик. С сегодняшнего дня будем работать по методике Кайдзен.

– Что это? – буркнул кто-то в первом ряду.

– Мы будем планировать свою работу, улучшим рабочие места, ускорим процесс и сократим количество ошибок, – многозначительно ответил Мартын. – Это японская система.

– На Сахалин сошлете, если план не выполним? – с недоверием прищурился бородатый мужик.

– Голову отрежут, – сказал ему сосед.

– Да, не. Кишки выпустят, – махнул рукой другой.

– Нет, нет и нет, – повысив голос, возразил Мартын.

– То и другое? – послышалось с дальних рядов.

Мартын несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

– Вы опытные мастера. Сами знаете, что лучше для завода. Я сделал этот ящик, он будет стоять на входе и каждый из вас может опустить сюда записку с предложением по улучшению. Записки можно подавать анонимно. Каждый вечер я буду лично проверять ящик и читать ваши предложения и жалобы. Всем понятно?

Рабочие закивали. Соболев завершил собрание и взволнованный грядущими революционными преобразованиями поспешил найти Прошкина. Ему подсказали, что купец в кожевенных мастерских, где у него отдельный кабинет. Найдя массивную дубовую дверь с яркой табличкой «Приказчик завода», менеджер распахнул ее без стука.

– Савва, у нас с мужиками предложение. По методике Кайдзен работать будем, – сказал Мартын, переступая порог.

Купец развалился в глубоком английском кресле, на коленях у него сидела пышная красавица в ярком синем сарафане. Мартын застал их в момент страстного поцелуя. Женщина, увидев незваного гостя, тут же вскочила, сделала книксен и шмыгнула в коридор.

– Хорошо же тут в поте лица трудишься, – сказал Мартын.

– Только Матрене не говори. Она мне всю плешь уже проела с дворовыми девками, что они меня за версту обходят. Не хватало, чтобы еще и здесь всех от меня отвадила.

– Мне до твоих походов дела нет. Мы с мастерами собрание провели. Они изобрели магическое ружье, из которого промахнуться невозможно. Это золотая жила.

Лицо Саввы побагровело. Он уперся огромными кулаками в кофейный столик.

– Магическое оружие? Да за такое в Сибирь сослать могут. И где мы столько камней найдем? Они что на земле валяются? Я против, – кричал Прошкин. – Что тебе неймется? Сидел в своем кабинете, пасьянсы раскладывал. Так ведь нет. Только глаза от тебя отвел, а ты уже магическое оружие мастерить. Пока я во главе этого предприятия никакие волшебные пищаши тут делаться не будут.

– Успокойся-успокойся, – спокойно ответил Соболев. – Нет так нет.

У Мартына были железные принципы. Свой успех во всех областях жизни он объяснял тем, что никогда не изменял им. Во-первых, не пить кофе с молоком, во-вторых, гнуть свою линию, в-третьих, никогда не дружить с женщинами старше тридцати. Эти три кита, на которых держалось мироздание менеджера завещал ему Пал Палыч, гуру и пример для подражания.

– Не будь ослом, – сказал ему учитель, когда им не выплатили бонусы в сетевой компании «Фасад». – Какой суд? У тебя есть деньги на адвокатов? Гнуть свою линию означает быть гибким.

Пал Палыч убедил Мартына соблазнить жену генерального директора ООО «Фасад», на которую была оформлена компания. Через пару месяцев гуру стал генеральным директором, а Мартын оказался на улице. Но это была уже другая история.

Главное, что Соболев уяснил себе на всю жизнь – гнуть свою линию надо гибко.

– Почему ты такой грустный, душа моя? – спросила Матрена за вечерним чаем.

– Немного удручен.

– Чем, мой сокол?

– Как-то все уныло. Рушится все в переносном и прямом смысле на заводе.

– Что рушится? – испуганно спросила женщина, схватившись за сердце.

– Стена. Западный корпус дал трещину от вибрации колес. Насыпь плотины размывает и вот-вот прорвет. В мастерские войти нельзя, да и находиться там долго.

– Так я и знала. Запустил братец предприятие, – решительно сказала Матрена, делая глоток чая. – Опять кипятик остыл. Любава!

В столовую вошла горничная, одетая, как и другая прислуга, на французский манер: темное закрытое платье с длинными рукавами и высокими накрахмаленными манжетами, белый фартук и чепец.

– Сколько раз я говорила, чтобы самовар всегда был горячий. Опять ледяной чай пью, – отчитала служанку помещица. –

Не успела провинившаяся открыть рот, как Прошкина щелкнула пальцами. На месте, где только что стояла девушка, теперь был кочан капусты.

– Петруша! – крикнула Матрена.

В комнату влетел мальчик подросток в серой униформе.

– Забери на кухню, – указала хозяйка на капусту.

Мальчишка подхватил овощ и скрылся за дверью.

– Завтра же едем с тобой туда, – обратилась Прошкина к Мартыну. – Я при всех объявлю, что ты новый приказчик.

– Ты уверена, дорогая? – Соболев взял ее руку и нежно поцеловал, косясь на ковер, где осталось несколько белокочаных листьев.

– А кому еще я могу доверять? – Матрена смотрела на менеджера влюбленными глазами.

Дальше события уже развивались сами собой и Мартыну оставалось лишь наблюдать, как власть над заводом переходит к нему. Савва воспринял эту новость равнодушно, ему больше нравилось проводить время с работницами, чем перебирать бумаги и инспектировать предприятие.

Соболев взялся за дело, засучив рукава. Он приказал укрепить плотину, заменил водяные колеса на паровой двигатель, все мастерские переключил на производство самонаводящихся пицалей. Прошкина поддерживала все его начинания и не жалела средств на модернизацию. Каждый вечер менеджер с воодушевлением рассказывал ей заводские новости, бывая скука улетучилась сама собой.

В одну из таких бесед, когда Матрена и Мартын прогуливались по вишневому саду, женщина сказала своему возлюбленному:

– Я много думала, mon chéri (мой дорогой), и поняла, что нам не хватает для счастья. Нам нужно пожениться.

Мартын закашлялся, но потом быстро взял себя в руки.

– Брату своему я не доверяю, – продолжила она. – Промотает мануфактуру и остатки папенькиного наследства. А ты у меня хваткий. Да и пора о душе подумать. После моей смерти все тебе отойдет.

– Откуда такие черные мысли, любимая. Конечно, нам надо пожениться, но у меня нет паспорта. Ты же понимаешь...

– Мартынчик, я так рада, – она прижалась к его груди. – Завтра же придет писарь, mon amour (моя любовь). Этот шельмец любую бумагу состряпать может за екатеринку.

На следующий день пришел чиновник, чтобы уладить формальности.

– Что писать будем? – спросил он, склоняясь над листом бумаги. – Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения.

– Соболев Мартын Виленович, – ответил менеджер.

– Может быть лучше Марсель, mon chéri (мой дорогой)? – с надеждой в голосе спросила Матрена.

- Нет, оставляю Мартын.
 - Хорошо, хоть Виленович это что-то на французском, – потупила женщина взгляд.
 - Это Владимир Ильич Ленин.
 - Так звали твоего отца?
 - Скорее дедушку, – улыбнулся Мартын. – Ничего. Про Ленина вы еще услышите лет через двадцать. Место рождения Егорьевск, Московская область. Дата 19 декабря 1995 года. Тьфу... 1895 года. Ой, да сколько там. 1868 год пиши.
 - Сословная принадлежность, вероисповедание? – продолжил писарь.
 - Это еще зачем?
 - Без этого никак, – удивленно развел руками чиновник.
 - Потом впишем, – сказала Матрена.
 - Род занятий.
 - Купец. Гильдию потом впишем, – ответила Матрена.
 - Отношение к отбыванию воинской повинности?
 - Седьмая отдельная воздушно-десантная бригада, город Краснопутиловск.
 - Это уланы? – уточнил писарь.
 - Это крылатая пехота, – ответил Мартын.
 - Паспортная книжка будет готова к четвергу, аккуратно после венчания, – сказал чиновник, получив от Матрены красивую купюру.
- Венчание прошло в близком кругу. После свадьбы Мартын чувствовал себя без пяти минут королем мира. Матрена, казалось, с каждым днем становилась только красивее, работа на предприятии кипела. Еще недавно он был каторжанином, а сегодня у него паспорт, красавица жена и завод. Несколько раз он представлял как дает интервью глянцевого журналу, рассказывая о своем пути к успеху.
- Соболев был настолько счастлив, что хотел и всех вокруг сделать счастливыми. Единственный человек в его окружении, который ходил чернее тучи был Савва. Оказалось, что служанка Любава, которую превратили в капусту была настолько дорога Прошкину, что он хотел на ней жениться.
- Вы все такие патриархальные, а она крутит тобой как хочет, – завел как-то разговор осмелевший Мартын. – Ты бы намекнул, что по старшинству ты в доме главный и сам можешь выбрать на ком жениться.
 - Все по старшинству, – грустно вздохнул Савва. – Она по возрасту постарше будет.
 - И сколько ей? – усмехнулся Мартын.
 - Дак само собой, мне пятый десяток, а она на пятьдесят лет старше.
 - Хочешь сказать, что ей восемьдесят? – на лице Мартына застыла натянутая улыбка.
 - Почему? За девяносто уж, – загибая пальцы прикинул купец.
 - А как же? – Мартын провел рукой вокруг лица, пытаясь этим жестом передать всю прелесть внешности Матрены. – Она же красавица.
 - Нет. Мы все видим ее как есть, на все девяносто годков. Только тебе кажется, что старушка молоденькая. Она чары на тебя наложила.
- Раздался грохот. Это Мартын упал в обморок. Первый раз в жизни.

Глава 3

– Как же так? – причитал Мартын. – Она же совсем молоденькая. Мы же с ней... Это какое-то омолаживающее зелье? Кузьмич, как же так?

Соболев лежал в своей постели, трагично глядя в потолок, с холодным компрессом на лбу. Один из китов, держащих его мировоззрение, соскользнул с панциря черепахи и улетел в пропасть. Теперь весь его плоский мир держался лишь на кофе без молока и концепции мягкой силы – не густо.

Лакей сидел рядом в кресле и зашивал жилетку.

– Какой ты невнимательный, барин. Это просто французская пудра. Через зеркальце на нее посмотри или отражение какое-нибудь.

– Не барин я, Кузьмич, а дурак. Неспроста меня так легко конвоир отпустил.

– Не отпустил. Продал он тебя, боярин. Ты карету толкал?

– Толкал, – удивленно посмотрел на Кузьмича Мартын.

– Старый трюк, – сказал старик, закончив шитье и зубами оборвав нить. – Небось еще в Петербурхе тебя ее агенты приметили. Наша барыня страсть какая охочая до столичных, а если еще говорит на французский манер, то все – пропала старушка.

– Не надо было мне перед городовым выделяться, вспоминая все французские слова, – закрыл лицо руками мужчина.

– Что уж теперь. Былого не воротишь, – сказал Кузьмич. – Я тебе на жилет карман тайный пришил для зеркальца. Теперь тебя ни одна *madame* не одурачит.

– Не могу я там, Кузьмич. Убегу.

– Поймають. Если простит, то будет как прежде, а если обидится, то высекут или на каторгу.

– Или в капусту превратит... Что я ей вещь? – возмутился Мартын.

– Получается, что так.

– Что же делать?

– Есть один вариант, – сказал старик.

– Какой? Кузьмич, не томи!

– С новой гром-пищалью можно в Петербурх поехать на выставку. А там в столице ищи свищи ветер в поле.

Мартын так привык к магическому миру и комфортной жизни в усадьбе, что уже забыл о поиске чародея и о возвращении в свое время.

– Ты гений! Точно. А что за выставка? – Мартын сел на постели, бывшая энергичность возвращалась к нему.

– Ежегодная выставка «Охота и магическое собаководство». Мы при покойном Гавриле Саввовиче ни одной не пропускали. Только Матрена Гавриловна против участия. Сама она столицу не любит, а Савву Гавриловича опасается туда одного отпускать, слишком много воли он в ресторанах себе давал.

– Задача ясна, Кузьмич. Убедим, – Соболев встал с постели и надел жилет.

– Только у меня просьба, барин. Возьми меня в Петербурх, если поездку сладишь.

– Не вопрос. Поедем вместе.

Начать разговор с помещицей о поездке на выставку Соболев долго не решался. Одной из причин было то, что он Прошкину всячески избегал. С утра и до глубокой ночи пропадал на заводе, а приехав домой запирался в своей комнате и притворялся спящим, когда Матрена тихонечко стучала в дверь, приглашая в свою опочивальню.

После нескольких недель размышлений и изучения документов с прошлых выставок у менеджера созрел идеальный план побега.

В один из вечеров он вернулся домой пораньше с огромным букетом цветов, которые он вручил удивленной Матрене.

– Дорогая, – сказал он, вывернув обаяние на максимум. – Мы так редко видимся с тобой в последнее время. Меня это очень беспокоит. И я знаю, что нам может помочь – медовый месяц в Париже. Дорогая, ты поедешь со мною во Францию?

Матрена с полминуты смотрела на него широко открыв глаза. Пауза длилась слишком долго, и Мартын подумал, что сейчас его точно обратят в овощ или что-нибудь похуже. А потом у нее на глазах появились слезы. Она обвила его шею руками и уткнулась лицом в белоснежную сорочку.

– Я чувствовала, что мы созданы друг для друга, – говорила она всхлипывая. – Только где мы возьмем средства на поездку. Это же целое состояние.

Мартын ждал этой фразы.

– Я все продумал, любимая. В Петербурге проходит выставка «Охота и магическое собаководство». Первый приз тридцать пять тысяч рублей. Этого с лихвой хватит, еще и останется.

– Ты думаешь там выиграть?

– Конечно. Наша чудо пицаль точно возьмет первый приз.

– Все это так замечательно, любимый, только я столицу не люблю.

Все шло по плану. От каждого ответа Матрены в груди Мартына сердце начинало чаще биться от радости.

– Ничего страшного, дорогая. Я быстро смотаюсь, одна нога здесь, а другая там. И вернусь к тебе с победой.

– Хорошо, сокол мой. Когда выезжаешь?

Соболев начал подготовку к поездке. Прежде всего, надо было подготовить запасной аэродром, если найти чародея в столице не получится. Мартын прикинул, что выиграть первый приз и затеряться в магическом мире с деньгами лучше, чем без них. Поэтому победа на выставке была главной целью.

Изучив буклеты и записки, бережно сохраненные в архиве Гаврилой Саввовичем, менеджер понял, что в этом времени так же, как и в будущем, все решает упаковка. Победители прошлых конкурсов ярко оформляли стенд, готовили листовки для раздачи и привлекали к рекламе известных охотников. Для того, чтобы создать сильный бренд ему нужна была фокус-группа, поэтому на дверях завода появилось объявление – «Сегодня по третьему удару колокола всем мастерам явиться в театр на Брейншторм».

На встречу пришло человек сто. В первом ряду сидели Савва, Фридрих и старшие мастера цехов. Мартын добыл школьную доску в земской школе и установил ее на сцене.

– Дорогие друзья, – начал воодушевляющую речь Мартын. – Мы все отлично поработали – создали мушкет, который не промахивается. Но это только половина дела. Теперь наше изобретение надо показать миру и презентовать на выставке в Петербурге. Я собрал вас здесь, чтобы подготовить концепцию бренда. Главное правильный нейминг.

– Нейминг – это что-то про немцев? – слышалось с задних рядов.

– Нет. Это про то, что надо придумать яркое название. Какие будут предложения?

– Супа пицаль! – предложил Фридрих.

– Супа трупа бимз а гона блаинд ми, Бат ай вонт фил блу, лайк ай олвейс ду, Кос самзеа ин крауд ю, – запел Мартын.

Мужики непонимающе смотрели на него. Он махнул рукой.

– Ничего вы не знаете, – вздохнул менеджер и взял мел. – Записываю – «Супа пицаль». Другие предложения будут?

Все молчали.

– Ящик для предложений всегда открыт. Вы можете кинуть туда записку с предложением. Переходим к следующему пункту. Нам надо определиться с конкурентными преимуществами. Какие будут предположения? Ну, смелее. Продвижение это самое главное.

– Ты говорил, что главное нейминг, – выкрикнули с задних рядов.

– Все важно. Итак, чем мы отличаемся от конкурентов?

– Ничем, – сказал Фридрих. – Мы не делали никогда магическое оружие. Это дорого и требует контроля седьмого отделения. Не тягаться нам с заводами Демидова, Путилова или фон Крумерштока.

– Может быть у кого-то иное мнение?

В зале была тишина.

– Хорошо. Раз все молчат, собрание объявляю закрытым, – разочарованно произнес менеджер.

Всю последующую неделю Мартын с утра до вечера пропадал на работе, готовя материалы для поездки в столицу. Ящик для предложений был пуст, Савва все тосковал по своей Любаве и слонялся по предприятию как тень.

Соболев был бы рад помощи, но все приходилось делать самому. Матрена все настойчивее требовала внимания. В один из немногих их совместных ужинов она сказала:

– Я уже и забыла, как ты выглядишь, соколик. Все трудишься, аки пчела, а дома тоже бывать надо и отдыхать, – она бросила на Мартына томный взгляд.

– Ну, а как, дорогая? Предприятие требует внимания. Вернусь и в Париж с тобой поедем. Будем там по Елисейским полям гулять, смотреть туманные картины и есть эклеры, – разговор срочно надо было перевести на другую тему. – Я давно хотел поговорить с тобой о Фридрихе. Меня смущает его манера махать плеткой направо и налево. Вот недавно очередного рабочего чуть не запорол, а у меня мастеровые на вес золота.

– Фридрих давно управляет на заводе. Еще при батюшке следил за порядком.

– А то, что он спорит со мной? Да, подрывает мой авторитет. Как мне управлять рабочими, если он при них мне перечит? – жаловался Мартын.

В глазах Прошкиной вспыхнул гневный огонек.

– Это все вольнодумные веяния последних пятидесяти лет, – раздраженно ответила она. – При Александре Христофоровиче подобного никто не позволял. Отправлю его в Сибирь, раз так распоясался.

– Ну, зачем сразу в Сибирь? – попытался сгладить углы Соболев.

– Добрый ты очень, душа моя. А тут твердая рука нужна. Я со всем разберусь.

Спорить с помещицей, как всегда, не было особого желания и выгораживать управляющего, который не отличался гуманизмом, тоже.

На следующий день Мартын, приехав на предприятие, сразу направился в образцовые мастерские, чтобы там собрать необходимую информацию для выставки. Внезапно нечеловеческая сила схватила его за шиворот и приподняв над землей, затащила в амбар. Перед ним стоял Фридрих, в его руке была плетка, из которой тянулись тысячи веревок, обвивших тело Мартына.

– Я тебя подобрал в грязи и доставил в прекрасные условия. Что же ты, собака, меня выгнать хочешь? – сквозь зубы цедил управляющий.

– Отпусти, – спокойно ответил Мартын. – Нормально разговаривать не учили.

Фридрих щелкнул пальцами, и менеджер упал на пол.

– Я тебя услышал, – сказал Мартын, поднявшись на ноги и отряхивая одежду. – Мы не поняли друг друга. Давай начнем с начала. Ты прекратишь руки распускать, а я не буду против твоей работы здесь? Нельзя пороть каждого направо и налево, но наказывать, конечно, надо. Придумай до среды пять альтернативных способов экзекуций вместо плетей. Поговорю с Матреной, никто тебя отсылать на рудники не будет. Договорились?

Мартын протянул руку управляющему.

– Договорились, – сквозь зубы произнес тот.

Соболев радовался, что получилось так быстро уладить конфликт с управляющим. На всякий случай, пока он в этом мире, он решил ни с кем не ссориться. Кто знает какая магическая сила за кем тут стоит. А от некоторых, вроде Матрены и Фридриха, лучше держаться подальше, поэтому Соболев с удвоенной силой работал над материалами для выставки.

Супруга похоже смирилась с тем, что Мартын ставит работу на первое место. Она не жаловалась и не капризничала, и даже помогала в организационных вопросах:

– Жить будете в нашей Петербургской квартире. Еще батюшка, земля ему пухом, купил для деловых поездок рядом с Гостиным двором, – хлопотала Матрена накануне поездки, складывая вещи мужа в огромный саквояж, пока он за письменным столом изучал каталог с чертежами пиццали. – Там в столице присматривай за Саввой. Он хоть и не мальчишка, а ума за жизнь не собрал. Поедет к цыганам или того хуже в оперу, пусть при тебе всегда будет, мне так спокойнее.

Она подошла к мужу и обняла его плечи. По спине Мартына пробежал холодный пот. Он так и не отважился посмотреть на нее через зеркальце, поэтому не видел ее истинную внешность, но фантазия рисовала тягостные картины.

– Дорогая, мне надо отдохнуть перед дорогой, – он нежно взял Матрену под руку и повел к выходу. – Мы же с тобой утром увидимся. И к тому же я уезжаю не на век. Короткая бизнес-поездка, а потом я весь твой.

Последнюю фразу он с трудом выговорил.

– Я уже тоскую по тебе, Мартынушка, – обняла его супруга и на ее глазах засверкали слезы.

– Ну, это то зачем, дорогая? Не на войну же, – Соболев нежно выставил женщину в коридор.

– Все, сладких снов! – кивнул он и захлопнул дверь.

Утром после трогательного прощания на вокзале, разместившись в купе первого класса, Мартын выдохнул. Никогда он больше не увидит Прошкино и его опасных обитателей.

Дорога до столицы заняла двое суток. За это время менеджер несколько раз пожалел, что под рукой не было смартфона, чтобы снять видео. Сколько историй и курьезов он наблюдал из окна. Началось все с того, что Кузьмича разместили в товарном вагоне с сундуками, ящиками, козами и другими страдальцами, которые не имели права на свободное перемещение по стране. Как ни уговаривал Мартын старика перебраться к нему, тот отказывался – «Не положено». Днем он сидел в купе у Соболева, что-то зашивал или чистил, а на ночь перебирался к себе. Так и сидел он в ливрее канареечного цвета на тюках с соломой, пока, прислонившись к стене из горбыля, не проваливался в глубокий сон.

В дороге несколько раз поезд останавливался на крупных станциях. Здесь он видел говорящих медведей на цепи, которых заставляли исполнять для публики акробатические номера. Пассажиры первого класса, выходя на короткую прогулку, для развлечения превращали уличных торговцев или попрошайек в воздушные шарик, ракушки или фонарь.

Все эти впечатления тронули сердце Соболева и к концу вторых суток пути, он даже попросил бумагу и перо. Ставя крупные кляксы и царапая лист, он вывел: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала...» Потом подумал минуту, смял написанное и решил больше никогда не возвращаться к творчеству.

Прошкин всю дорогу просидел в вагоне-ресторане и на все рассказы Мартына только отмахивался: «До нас сто лет так было и после нас будет».

Петербург встретил их проливным дождем. Купец поймал извозчика и громко гаркнул:

– В Континенталь!

– Савва, нам же в квартиру, – напомнил Мартын.

– Тут такое дело. Проиграл я ее еще при жизни батюшки, земля ему пухом. Только Матрене не говори.

– И где же мы будем жить?

– В гостинице, столица же.

Они объехали с десяток гостиниц в центре города и везде слышали один ответ. Свободных номеров нет. Со всего мира приехали гости на выставку «Охота и магическое собаководство».

Сначала Соболев радовался и подбадривал своих попутчиков:

– Видите, какой ажиотаж. Нас точно ждет успех.

После того, как в шестой гостинице для них не нашлось мест, менеджер приуныл.

– Смеркается уже, – сказал извозчик. – Могу вам комнату сдать в доходном доме генеральши Ламберт за три целковых.

– Вези! – вздохнул Мартын, протягивая монеты.

Соболев уже представлял, как растянется на мягкой кровати, застеленной хрустящей белой простыней, ноги гудели от долгой дороги. Доходный дом производил впечатление места, если не элитарного, то по крайней мере комфортабельного, но они не направились к парадному входу, а завернув в арку прошли во двор. Там они спустились по лестнице на цокольный этаж. В маленькой комнатке подвального помещения помимо них обитало еще две семьи. Пространство разделяла занавеска из пестрой ткани с крупными макаками. Под потолком было прямоугольное узкое окно с мутными желтыми стеклами, в котором мелькали ноги прохожих.

– Что это за дыра? – возмутился Мартын.

– Лучшего сейчас не найдете, – ответил извозчик.

Другого варианта не было, поэтому они расположились в своей части комнаты. Им выдали три тюфяка, от которых невыносимо пахло луком.

– Ладно, пойду я прогуляюсь, – сказал Савва и в его глазах засветился озорной огонек.

Мартын догадывался, что купец до утра точно не вернется, а может быть и до конца выставки, но исполнять наказ Матрены и нянчиться с престарелым подростком желания не было. У самого Соболева усталость как рукой сняло, когда он представил, что придется ночевать в подвале, поэтому он тоже решил прогуляться. Кузьмич тоже пошел с ними.

Как же прекрасен Петербург в период белых ночей. Они прошли по Воскресенскому проспекту к набережной и любовались видом с пристани. Вдруг над гладью воды пронеслась золотая колесница, запряженная тремя белыми сфинксами. Ей управляла красивая стройная женщина, в легком белом платье. Смоляные волосы незнакомки, перехваченные золотой диадемой, развивались на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.